

10. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола: На материале енисейских языков. В авторской редакции. – Таганрог, 2002.
11. Вернер Г.К. Коттский язык. – Ростов-на-Дону, 1990.
12. Валл М.Н. Употребление падежей в кетском языке. АКД. 1970.
13. Валл М.Н., Канакин И.А. Морфологический статус падежных показателей в енисейских языках // Сб. тр. “Морфология имени в сибирских языках”. 1981. – С. 36-44.
14. Валл М.Н., Канакин И.А. Категории имени в кетском языке. – Новосибирск: Наука, 1985.
15. Крейнович Е.А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. – М.: Наука, 1968. – С.139-195.
16. Буренко Л.В. Наиболее спорные вопросы кетского склонения // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2010. – № 10 (111). – С. 12-18.

Статью рекомендовала к опубликованию д.ф.н., профессор Г.Т. Поленова.

Буренко Людмила Васильевна

Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: lburenko@yandex.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371496.

Старший преподаватель.

Burenko Ludmilla Vasilievna

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: lburenko@yandex.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +7 8634371496.

Senior Teacher.

УДК 81'0

О.Н. Иконникова

**ИСТОКИ КАЧЕСТВЕННЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АУСТРИЧЕСКИХ И НИГЕРОКОНГОЛЕЗСКИХ
ЯЗЫКОВ)**

Целью статьи является анализ прилагательных в синхронии аустроазиатских, австронезийских и нигероконголезских языков в свете диахронии данной части речи. Автор приходит к выводу о правомерности выдвинутой им гипотезы о том, что истоком качественных прилагательных является стативный глагол, который через предикативную функцию прошёл путь “предикативная функция → предикативно-атрибутивная функция → атрибутивная функция” и оформил качественное прилагательное. Истоком относительных прилагательных является имя существительное в атрибутивной функции.

Качественное прилагательное; относительное прилагательное; стативный глагол; существительное; аустроазиатские языки; австронезийские языки; нигероконголезские языки.

O.N. Ikonnikova

**THE SOURCES OF QUALITATIVE AND RELATIVE ADJECTIVES
(WITHIN THE FRAMEWORK OF AUSTRIC AND NIGERO-CONGOLESE
LANGUAGES)**

The aim of the article is the analysis of adjectives in synchrony of Austro-Asiatic, Austronesian and Nigero-Congolese languages in light of diachrony of this part of speech. The author concludes that her hypothesis has been justified: the source of qualitative adjectives is the stative

verb, which formed the qualitative adjective in the following way: predicative function → predicative – attributive function → attributive function. The source of the relative adjective is the noun in the attributive function.

Qualitative adjective; relative adjective; stative verb; noun; Austro-Asiatic languages; Austronesian languages; Nigero-Congolese languages.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что проблема истоков имени прилагательного не имеет окончательного решения в лингвистике. Общепринятой концепцией считается происхождение прилагательных из существительных [1, 2, 3, 4]. Однако В.С. Юрченко и А.П. Володин полагают, что источником прилагательного является наречие [5, 6], А.П. Юдакин приходит к выводу, что прилагательные своим возникновением обязаны существительным, глаголам и наречиям [7], В.З. Панфилов говорит о глаголах и существительных как об источниках категории имени прилагательного [8], С.Л. Чареков полагает, что прилагательные возникли из синкретичного слова [9]. При этом в вышеприведённых концепциях диахрония имени прилагательного представляется вне учёта того, что оно представлено двумя неоднородными разрядами – качественными и относительными прилагательными, которые, согласно гипотезе нашего исследования, имеют разные истоки: первые – глагол, вторые – имя существительное.

Целью статьи является рассмотрение прилагательных в синхронии австрических и нигероконголезских языков с тем, чтобы доказать правомерность нашей гипотезы о том, что источником качественных прилагательных является глагол, а относительных – имя существительное. Материал австрических и нигероконголезских языков был выбран по той причине, что названные языки в наибольшей мере демонстрируют архаичные лингвистические черты, которые позволяют реконструировать, в частности, истоки качественных и относительных прилагательных.

В австрическую макросемью мы, вслед за Ю.А. Горгониевым [10], объединяем австронезийскую (малайско-полинезийскую) и аустроазиатскую семьи.

В **австронезийских** языках выделение частей речи наталкивается на значительные трудности, так как отдельно взятое слово не имеет морфологического оформления. Более того, особенностью смысловой структуры подавляющего большинства слов многих языков является их синкретизм, т.е. возможность соединения в одном и том же слове значения предметности и процессности (таит. *inu* ‘пить, напиток’, фиджи *vosa* ‘говорить, слово’), предметности и качества, воспринимаемого как состояние (таит. *ahaahu* ‘жар, жаркий’, фиджи *gone* ‘молодой, молодой человек’) или процессности и качества (таит. *tiootioo* ‘горячий, быть сердитым, раздраженным’, фиджи *caa* ‘плохой, считаться плохим’). Тем не менее, с недостающей чёткостью части речи противопоставляются на основе синтаксических свойств и категориального значения, при этом имя прилагательное образует глагольный подкласс [11, 12, 13, 14, 15].

Среди полнозначных слов австронезийских языков выделяются 2 больших класса – существительные и предикативы, последние из которых подразделяются на три подкласса: переходные глаголы (*batja* – читать), непереходные глаголы (*du-duk* – сидеть) и прилагательные, или качественные предикативы (*baik* – хороший) [14; 13; 11]. Предикативы – лексико-семантический класс слов, которые обозначают действие, состояние или качество и имеют ряд общих грамматических признаков, в частности общность синтаксических функций в предложении – функции сказуемого и определения [16]. В **малайско-яванских** языках предикативы отличаются от имён тем, что они, во-первых, могут выступать с отрицанием *tidak* (*tidak penting* ‘не важный’), и, во-вторых, они образуют группы, вводимые относительным служебным словом мал. *yang*, яв. *sing* (мал. *yang tinggi* ‘высокий’, яв. *sing gede* ‘большой’) [14].

Таким образом, в австронезийских языках разряд качественных прилагательных представляет собой подкласс предикативов, выражающих различные качественные признаки и способные выступать в предложении в атрибутивной функции. Никаких специальных словообразовательных моделей у них не существует, вследствие чего они в функции определения примыкают к существительному и стоят, как правило, в постпозиции к нему: фидж. *mata-na levu* – букв. ‘глаз – его большой’, таит. *te pape toëtoë* ‘холодная вода’.

В составе подкласса прилагательных в **индонезийском** языке имеется группа слов, обозначающих качественные признаки, которые в определённых условиях могут рассматриваться как временное состояние субъекта – обычно лица. Эта группа является промежуточной, сближающей прилагательные с простыми глаголами, например: *marah* ‘сердитый, сердиться’, *matang* ‘спелый, поспеть’. Отмечается также, что границы между подклассами предикативов – непереходными глаголами и прилагательными не отчётливы [16].

Такое положение категории имени прилагательного в системе частей речи индонезийского языка даёт нам дополнительную информацию о процессе его генезиса. Промежуточное положение непереходных глаголов между переходными глаголами и качественными прилагательными в системе предикатива и наличие таких смежных критериев качественного прилагательного и непереходного глагола, отличных от переходного глагола, как отсутствие категорий залога и лица и выступление в атрибутивной функции, может стать свидетельством того, что непереходный глагол через атрибутивную функцию оформил качественное прилагательное для выражения признаков предмета. Взаимозаменяемость терминов «прилагательное» и «качественный предикатив» говорит о глагольном источнике качественных прилагательных. Это подтверждается, в частности, с одной стороны, тем, что в индонезийском языке в значении качественных прилагательных могут употребляться переходные глаголы (*menakutkan* – страшный) и непереходные глаголы (*berarti* – значительный), с другой стороны, прилагательное обычно употребляется в функции сказуемого без связок и фактически становится глаголом, например: *Sikapnja gagah dan ramah-tamah* ‘По характеру он отважен и приветлив’.

Относительные прилагательные, на наш взгляд, не могут рассматриваться как особая категория австронезийских языков, свойственная его исконной грамматической системе. Так, в индонезийском языке этот разряд составляет немногочисленную группу слов, преимущественно заимствованных из арабского и европейских языков, например: *revolusioner* ‘революционный’, *batin* ‘духовный, умственный’. При этом абсолютное большинство относительных прилагательных заимствуется вместе с суффиксами, по которым прилагательное отличается от существительного, например: араб. *rohaniah* ‘духовный’ (*roh* – дух). Передача относительных признаков в большинстве случаев осуществляется, прежде всего, путём употребления в позиции определения существительных, например: *rumah kayu* ‘деревянный дом’ (букв. ‘дом дерево’) [16]. В **таитянском** и **фиджийском** языках **боумаа** отсутствие относительных прилагательных компенсируют также предметно-относительные словосочетания, где зависимый компонент выражен существительным: фидж. *vale vatu* ‘дом каменный’; таит. *te ahū tiritā* ‘шелковое платье’, *te purumu auri* ‘железная дорога’, *te raūu hotu* ‘фруктовое дерево’.

Всё это свидетельствует о несформированности разряда относительных прилагательных в австронезийских языках, который, очевидно, находится в процессе своего становления по аналогии, в частности, с индоевропейскими языками и источником которого будут имена существительные.

В **аустроазнатских** языках на основе функционального критерия и критерия сочетаемости разных групп слов противопоставляются друг другу имена и предик-

кативы. В составе предикативов выделяются глаголы и прилагательные [10, 17, 18]. Прилагательные выделяют как отдельную часть речи внутри более широкой группировки предикативов, так как им присущи особые признаки, не свойственные глаголам. В **кхмерском** языке к таким признакам относятся следующие: 1) прилагательные более свободно выступают в функции определения к именам: *мыт льо* ‘хороший друг’, *пхтей кхмау* ‘чёрная поверхность’; 2) некоторые прилагательные, как и качественные глаголы, могут выполнять обстоятельственную функцию (*мохо:п чнгань* ‘вкусная пища’ – *си: чнгань* ‘вкусно питаться’); 3) выступая в функции определения, прилагательные могут вводиться служебным словом *йа:нг*, не свойственным ни глаголам, ни именам (*йанг съа:т* ‘чистый, чисто’); 4) некоторые глагольные формы и конструкции для прилагательных нехарактерны (завершённый вид, будущее время) или исключаются вовсе (инфинитив, пассивная конструкция); другие формы и конструкции могут, совпадая внешне, иметь у прилагательных иное содержание, нежели у глаголов (начинательный вид у глаголов – интенсификация качества у прилагательных, побудительная конструкция у глаголов – результативно-оценочные образования у прилагательных) и др. [10]. Кроме различительных признаков, имеются также признаки, свойственные как глаголам, так и прилагательным. Так, как и глаголы, прилагательные имеют форму продолженного вида, формой которого служит элемент *нэу*, помещаемый перед прилагательным. Продолженный вид прилагательных представляет качество как длящееся состояние, безотносительно к реальному или грамматическому времени. Например: *сокха: даой веа нэу то:ть веа мын-тоан сомъа:т кхлу он нэу-лаэй ме:* ‘Сокха пока не умеет сам приводить себя в порядок, так как он ещё маленький’; *таэ трэу тхвэ: до:тьмдэть даэмбэй ньям нуом онсо:м даель нэу кдау?* ‘Как следует поступать, чтобы есть лепёшки, пока они горячие?’. Прилагательные, как и глаголы, могут сочетаться с показателем будущего времени *нынг*, образуя форму, аналогичную глагольной. Например: *веа нынг тхуом* ‘Он станет большим’. *пхлае них нынг крохо:м* ‘Этот плод станет красным’ [10]. Представляется, что подобные характеристики прилагательных, свойственные разряду качественных прилагательных, указывают на их генетическую связь с глаголом.

Во **вьетнамском** языке глаголы и прилагательные характеризуются соотносительностью предикативных функций, хотя при прочих равных условиях реализация сказуемых свойств прилагательных в большей мере связана с опорой на присловные актуализаторы: сочетания типа *wha cao* ‘высокий дом’, *nu'o'c trong* ‘прозрачная вода’ вне контекста воспринимаются только как атрибутивные [18].

В языках **мунда** слабо различаются глаголы и прилагательные. Так, в языке мунда **паренги** имя прилагательное представлено лишь десятками лексем качественного разряда, отличимых от стативного глагола. В частности, в отличие от стативного глагола, качественное прилагательное паренги может занимать позицию сказуемого, не сопровождаемое глаголом «быть» лишь при следующих ограничениях: субъект должен быть представлен существительным или местоимением в 3-м лице, а предикат предполагать неизменность характеризующего признака; в любых иных контекстах прилагательное в позиции сказуемого обязательно сочетается с глаголом «быть» [17]. Исходя из вышесказанного, мы присоединяемся к мнению Б.А. Захарьина о том, что в прошлом все качественные прилагательные паренги были стативными глаголами, и можем добавить, что в дальнейшем, на наш взгляд, будет происходить увеличение количества качественных прилагательных в паренги за счёт стативных глаголов; основным отличительным критерием первых и вторых будет сопровождение качественного прилагательного связочным глаголом.

Относительные прилагательные в аустроазиатских языках отсутствуют. Они компенсируются, по всей очевидности, именными словосочетаниями, в которых существительное в зависимой позиции выражает относительный признак предмета, названного существительным в стержневой позиции, что демонстрирует, в частности, кхмерский язык. Например: *кнонг ха:нг нух меан ту: кантьок пи: вэ:нг* 'В этом магазине было два длинных стеклянных шкафа'; *срок комнаэт коат* 'его родные края' (*комнаэт* – рождение).

Таким образом, можно сделать вывод, что качественное прилагательное в аустрических языках произошло от непереходного (стативного) глагола посредством его употребления в атрибутивной функции. Относительные же прилагательные оформляются из существительных.

Отличительной особенностью **нигероконголезских** языков является частое отсутствие в них прилагательных или наличие узкого класса слов данной части речи. В морфологическом отношении обозначения состояний и свойств оказываются подклассом глаголов, разделяя с динамическими глаголами большинство словоизменительных категорий. В.А. Плунгян, характеризуя африканские глагольные системы, отмечает, что в африканских языках в грамматический класс глаголов обычно включаются слова с не вполне прототипической глагольной семантикой (если считать таковой семантику события и динамического процесса), а именно, обозначения свойств и состояний. Он называет подобные глаголы состояния и качества «стативными глаголами», или «стативами», и говорит, что в грамматическом поведении этой группы лексем имеется ряд особенностей, что дает основание трактовать их как особый подкласс (хотя всё же внутри класса глаголов). Стативы, как правило, имеют более ограниченный набор аспектуальных граммем – например, не сочетаются с граммемами перфектива, перфекта и другими показателями, не выражающими идею длительности. Иногда сочетания с подобными показателями оказываются возможны, но означают переход глагола из класса стативных в класс динамических (по типу 'быть хорошим' → 'стать хорошим'); иногда, напротив, в таких сочетаниях меняется значение грамматического показателя. Так, в языке волоф клитика *na* в сочетании с динамическими глаголами выражает значение перфекта, а в сочетании со стативами – наличие состояния в данный момент, ср. *daanu na* 'это упало' (< *daanu* 'падать' (динамический глагол)) и *baax na* 'это хорошо' (< *baax* – быть хорошим (статив)) [19].

Имя прилагательное в языках **банту** или не представлено как отдельная часть речи, или составляет узкий класс слов. Так, в языке **кагулу** прилагательные составляют 20 единиц, которые по значению соответствуют пяти семантическим типам Р. Диксона: 1) возраст (старый, новый), 2) размер (большой, короткий, длинный, узкий, широкий, толстый), 3) физические свойства (грязный, гнилой, сырой, тяжёлый, красивый), 4) цвет (красный, белый, чёрный), 5) характеристики человека (избалованный, бедный, больной) [20]. В языке **дабида** категория имени прилагательного представлена всего лишь десятью единицами: 1) большой, 2) плохой, 3) новый, свежий, 4) высокий, длинный, 5) другой, многочисленный, 6) маленький, малочисленный, 7) худой, тонкий, 8) низкий, короткий, 9) широкий, толстый, 10) хороший, добрый [21]. Собственно бантуских по происхождению прилагательных в языке **суахили** не более 40 [22].

Прилагательное в бантуских языках стоит в постпозиции к существительному и согласуется с ним в классе, т.е. к основе прилагательного присоединяется адъективный согласователь того класса, к которому относится определяемое им существительное: кагулу *munhu mugoli* 'богатый человек', суахили *mtu mwema* 'человек хороший', суахили *watu wema* 'люди хорошие', дабида *ki-fumbi ki-lacha* 'стул высокий', дабида *ba-ndu balacha* 'люди высокие'; дабида *Ituku jimu ng'ome*

imu mbaa erekoghe ikija nyasi a mlambenyi 'Однажды большая корова паслась у баобаба', букв. 'День некоторый корова некоторая большая она – была она – жующая траву у баобаба'.

Малочисленность состава качественных прилагательных в дабида, как и в других языках банту, компенсируется особыми «адъективоподобными» по своей функции формами глаголов, имеющих семантику качества или состояния, типа *birie* 'стать злым' от *bira* 'быть злым'; *omie* 'стать сухим' от *oma* 'быть сухим' и др. Они входят в стандартную парадигму перфектного формообразования глаголов, но их основной синтаксической функцией является функция согласуемого с существительным атрибута, называющего признак предмета. Например: *shimba i-birie* 'лев злой', *ma-rughu ghi-furue* 'плоды зрелые', *ki-oro ki-ghokie* 'черпак красивый' [21]. Примечательно также, что производные прилагательные языка суахили, оформляемые суффиксами *-u*, *-fu*, *-vi*, в своём словообразовании проходят следующие ступени: глагол действия → стивная форма глагола действия ('быть в состоянии') → номинация состояния \ свойства. Например: *badili* 'изменять' + *-ka* > *badilika* 'быть в состоянии изменения' + *-u* > *badilifu* 'изменчивый'; *changamka* + *u* > *changamfu* 'весёлый, жизнерадостный' [22].

Отсутствие относительных прилагательных компенсируется в дабида наличием модели N1+a+N2, где используется референционная частица *-a*, посредством которой между существительными N1 и N2 устанавливаются адъективные отношения. Позицию N2 занимает существительное, которое обозначает «качество или признак обладания» и является определяющим, а N1 обозначает «обладателя» этого качества или признака и является определяемым. Частица *-a*, всегда согласуемая по классу с N1, устанавливает между N1 и N2 отношения типа «сделанный из», «предназначенный для» и т.п. Например: *ndagha ya magho* 'каменный нож' (*ndagha* – нож, *magho* – камень), *mitumhwi ya midi* 'деревянные лодки' (*mitumhwi* – лодки, *midi* – деревья), *kiteto cha kimzafo* 'местный язык' (*kiteto* – язык, говор, *mzafo* – родные места) [21]. В суахили для аналогичных целей используется посессивная конструкция N1 + pos. + N2: *nywele za dhahabu* 'золотистые волосы' (*dhahabu* – 'золото'), *silaha za nyuklia* 'ядерное оружие' (*nyuklia* – ядро) [22]. Как показывают вышеприведённые примеры, модель N1+N2 впоследствии может стать моделью A + N, т.е. N1, очевидно, может стать относительным прилагательным.

В языке фула атлантической группы прилагательное в сравнении с другими морфологическими классами слов представлено бедно. Количество собственно прилагательных, образованных непосредственно от адъективных корней, невелико. В лексической системе каждого диалекта может функционировать несколько десятков адъективных корней, большинство которых называет физические признаки предметов: *dokk* 'кривой', *leel* 'косой', *yukk* 'горбатый' и др. Во многих случаях значения признака, свойства, качества предмета выражается через предикативную конструкцию с глаголом качества или состояния в соответствующей видо-временной форме. Например: *suudu ana toow-i* 'дом высокий' или 'дом высок' – *suudu toow-an* 'дом будет высоким' – *suudu toow(u)-no* 'дом был высоким'. Данный факт связан с тем, что качество является одним из конститuentов понятия глагольности в языке фула, что находит своё выражение в системе предикативных форм, так что качественные глаголы типа *wula* 'быть горячим', *juuta* 'быть длинным' представляют собой одну из важнейших группировок [23].

Словарный фонд атлантического языка волоф богат глаголами состояния и качества типа *seed* 'быть холодным', *tang* 'быть тёплым', *neex* 'быть приятным', *tag* 'быть большим', которые компенсируют отсутствие в языке прилагательных. Основным способом выражения качества является развёрнутое определение, которое представляет собой атрибутивную конструкцию, состоящую из союзного сло-

ва, совпадающего по форме с показателем класса определяемого существительного и основы глагола качества. Например: *Jigeen ju rafet nowna* ‘Пришла красивая женщина’ (букв. ‘Женщина, которая быть красивой пришла’); *Reyuaa xar mu duuf* ‘Я зарезал жирного барана’ (букв. ‘Я зарезал барана, который быть жирным’). Примечательно, что глаголы со значением качества в спрягаемой форме выражают наряду с качеством время действия, лицо и число. Это значение оформляется как предикативный признак: *Ndox mi dafa tang* ‘Вода тёплая’; *Sa mbuub rafetma lool* ‘Твоё платье очень красиво’ [24].

В языке группы манде **бамана** прилагательные являются производными частями речи, при этом качественные прилагательные образуются от стативных глаголов при помощи показателя *-man*: *nin tablo finman* // *tablo fin ka bon* ‘этот чёрный стол есть большой’ (где *tablo ka fin* – стол есть чёрен).

Прилагательные в бамана образуют атрибутивные конструкции, в которых дополнительная предикация выступает в свёрнутом, редуцированном виде. Считается, что атрибутивная именная группа *muso nyuman* ‘красивая женщина’ есть результат свёртывания релятивизованной именной группы *muso min ka nyi* ‘женщина, которая есть красивая’, где *nyi* – стативный глагол ‘быть красивым’, ‘быть хорошим’ [25]. Таким образом, атрибутивы в бамана представляют собой свёрнутую предикацию. Представляется, что в языке волоф, как и в бамана, аналогичный процесс ведёт к формированию прилагательных путём перехода развёрнутых определений, какие имеются в языке волоф, в свёрнутые, и имя прилагательное в языке волоф получит свою синтаксическую функцию определения в предложении.

Таким образом, на основании материала нигероконголезских языков можно утверждать, что качественные прилагательные проходят 3 ступени словообразования: от глагола действия к стативному глаголу и затем к прилагательному. Переход от стативного глагола к качественному прилагательному осуществляется синтаксически: от предикации со стативным глаголом к свёрнутой предикации, т.е. формированию атрибутива и вместе с ним прилагательного в синтаксической функции определения с дальнейшим его морфологическим оформлением.

Итак, суммируя вышеизложенное, мы можем утверждать, что прилагательные аустрических и нигероконголезских языков подтверждают гипотезу нашего исследования о том, что истоком качественных прилагательных является стативный глагол, а относительных – имя существительное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М., 2001. – 864 с.
2. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т.3. Об изменении значения и заменах существительного. – М., 1968. – 551 с.
3. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. – М., 1953. – 368 с.
4. *Жирмунский В.М.* Общее и германское языкознание. – Л., 1976. – 696 с.
5. *Володин А.П.* Общие принципы развития грамматической системы чукотско-корякских языков // Язык и речевая деятельность. – 2000. – Т. 3. – С. 24-43.
6. *Юрченко В.С.* Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. – М., 2005. – 368 с.
7. *Юдакин А.П.* Проблемы динамики грамматических категорий и системной типологии: Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – 1990. – 30 с.
8. *Панфилов В.З.* Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества // Вопросы языкознания. – М., 1976. – № 6. – С. 3-18.
9. *Чариков С.Л.* К происхождению языка. – СПб., 1997. – 65 с.
10. *Горониев Ю.А.* Грамматика кхмерского языка. – М., 2009. – 320 с.
11. *Беликов В.И.* Части речи в полинезийских языках // Части речи. Теория и типология. – М., 1990. – С. 180-194.

12. *Беликов В.И., Сирк Ю.Х.* Австронезийские языки. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 13-14.
13. *Аракин В.Д.* Таитянский язык. – М., 1981: www.lingvotech.com/arakin-81.
14. *Оглоблин А.К.* Очерк диахронической типологии малайско-яванских языков. – М., 1996. – 192 с.
15. *Dixon R.M.W.* Grammar of Boumaa Fijian. Chicago and London, 1988. – 375 p.
16. *Алиева Н.Ф., Аракин В.Д., Оглоблин А.И., Сирк Ю.Х.* Грамматика индонезийского языка. – М., 1972. – 463 с.
17. *Захарьин Б.А.* Типология языков Южной Азии. – М., 1987. – 185 с.
18. *Панфилов В.З.* Классы слов (части речи) во вьетнамском языке // Вопросы языкознания. – М., 1990. – № 5. – С. 74-89.
19. *Плунгян В.А.* Африканские глагольные системы: заметки к типологии // Основы африканского языкознания: Глагол. – М., 2003. – С. 5-40.
20. *Petzell M.* The Kagulu Language of Tanzania. Grammar, Texts and Vocabulary. Köln, 2008. – 236 p.
21. *Рябова И.С.* Язык дабида. – М., 2000. – 132 с.
22. *Громова Н.В., Охотина Н.В.* Теоретическая грамматика языка суахили. – М., 1995. – 320 с.
23. *Коваль А.И., Зубко Г.В.* Язык фула. – М., 1986. – 142 с.
24. *Никифорова Л.А.* Язык волоф. – М., 1981. – 96 с.
25. *Бергельсон М.Б.* Проблема частей речи в языках изолирующего типа (на материале банана) // Части речи. Теория и типология. – М., 1990. – С. 195-217.

Статью рекомендовал к опубликованию д.ф.н., профессор П.В. Чесноков.

Иконникова Ольга Николаевна

Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: zmeika-beauty@mail.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371496.

Преподаватель.

Ikonnikova Olga Nikolaevna

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: zmeika-beauty@mail.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371496.

Teacher.

УДК 81`36(65)

Е.В. Краснощеков

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается категория принадлежности во французском языке, различные способы её выражения и употребление. Категория притяжательности выражается во французском языке различными способами: с помощью специальных синтаксических конструкций, лексическим способом, основными средствами которого являются глаголы, кроме того именами существительными и прилагательными, а также с помощью словообразовательных средств: морфем, присоединяемых к имени субъекта или объекта. Употребление словообразовательных средств выражения посессивных отношений во французском языке, языке аналитического типа, ограничено.

Притяжательность; обладание; синтаксические конструкции; посессивные прилагательные; посессивные глаголы; словообразовательные посессивные конструкции.